

ПРЕДИСЛОВИЕ

У истины много врагов. И ложь хоть и самый заметный, но не самый коварный и пагубный. У явной и сознательной лжи, по поговорке, ноги коротки, далеко уйти она не может. Гораздо труднее одолеть обольщение и предвзятость, укоренившиеся легенды и полусознанный страх, который мешает видеть то, что может разрушить дорогие нам верования.

С этим неизбежно столкнуться всякому, кто занимается новейшей историей. Здесь любой документ требует осторожности, ибо неизвестно, чем руководствовался, чего хотел автор — восстановить подлинный ход событий? обойти острые углы? утвердить притязания лиц, классов или наций, которые иначе имеют мало оснований? Особенно трудно историку, сталкивающемуся с такими понятиями, как «виновник войны» или «классовая борьба». Ибо тут смещение обычно достигается при помощи элементов, которые не могут иметь решающего значения.

История русской революции 1917 года подвергалась бессознательным искажениям и умышленной фальсификации в большей степени, чем любое другое событие новейшей истории. Те, от кого зависит наша осведомленность, т. е. участники событий, часто, и по самым разным соображениям, не говорили о том, что знали, или говорили неправду, чтобы сместить истинную картину революции или совершенно исказить ее.

Главным фактором тут была идеология большевизма и установленная в связи с ней концепция революции. Вне этой концепции предъявляемое большевиками право на политическое руководство нацией лишалось оснований. Поэтому партийное руководство рассматривало и рассматривает любую версию событий 1917 года, отличающуюся от официальной «марксистско-ленинской», как антисоветское выступление. Что с очевидностью подтвердилось в разгар «дела Пастернака». Автора «Доктора Живаго» обвинили в «антисоветских настроениях» только за то, что он рассказал правду о живых еще в памяти событиях. В первые годы советской власти, когда живая память тем более была сильна, партия взвалила на историков задачу — приладить как-нибудь общеизвестные факты к «ленинской модели» революции. С тех пор методы фальсификации были значительно усовершенствованы. Прежде всего, тенденциозно отбираются документы, подлежащие публикации¹. В то же время, не публикуется большая часть архивных материалов, которые были доступны историкам в 20-е годы. Часть их, очевидно, уничтожена. Мало того, постепенно выясняется, что в

некоторые важные документы самовольно вносили изменения составители разных сборников.

Публикация ленинского архива и документов, имеющих отношение к Ленину, считается делом слишком ответственным, и историки к нему не допускаются. На Совецании советских историков в 1962 году идеолог партии академик П.Н. Поспелов заявил:

Некоторые товарищи ... подняли вопрос о том, следует ли предоставить историкам свободный доступ ко всем неопубликованным партийным документам и архивам. Это недопустимо. Партийные документы не являются наследием того или иного исследователя, ни даже Института марксизма-ленинизма ... но нашей партии, и только Центральный Комитет может ими распоряжаться. Некоторые документы, чрезвычайно важные для партии, подобно бумагам Ленина, могут публиковаться только по решению ЦК².

Труды по истории русской революции, созданные вне контроля советского правительства и коммунистической партии, объявляются плодом широкого заговора «фальсификаторов истории». Эта судьба несомненно постигнет и настоящую книгу, при условии, конечно, что она не будет встречена молчанием, как вопиющая непристойность.

Отсутствие советских источников по многим важным аспектам истории революции обращает нас к трудам русских эмигрантов и западных наблюдателей. Но и тут мы видим, что факты умышленно утаивались. И дело не только в том, что авторам мучительно было заново переживать случившееся, особенно если они не всегда гордились своим в нем участием. Это вполне человеческое свойство. Но если истина замалчивается из чувства долга, ради выполнения моральных обязательств, которые все еще соблюдаются в обстоятельствах, полностью отличных от тех, при которых они были на себя взяты, то задача историка становится еще более трудной. Например, нет сомнения в том, что, как мы увидим ниже, на революцию в России работала широкая сеть тайных организаций, по образцу масонских лож, и что эти организации играли решающую роль в образовании первого Временного правительства. Однако без документов невозможно оценить ни политические цели, ни фактическое влияние этих организаций. Два члена Временного правительства, Терещенко и Коновалов, принадлежали к этому движению, но, много лет прожив в эмиграции, умерли, так и не оставив печатных свидетельств о своей деятельности до и во время революции. А.Ф. Керенский, наиболее известный участник движения, тоже не считал возможным

дать объяснения по столь важному пункту. Однако он вполне сознавал значение упомянутого фактора и, каковы бы ни были причины, несомненно важные, вынуждавшие его к молчанию, он принял меры к тому, чтобы опубликовать соответствующие разъяснения «через 30 лет»³.

Расплывчатость советских и не советских источников равным образом осложняется уклончивостью немецких. Русская революция разразилась в тот момент, когда Первая мировая война достигла высшей точки. Влияние революции на ход военных действий было огромным, и все же десятилетиями вопрос об участии Германии в разжигании революционных беспорядков в России оставался запретным для всех сторон. Попытка Эдуарда Бернштейна, лидера немецкой социал-демократии, приподнять завесу этой тайны была встречена в 1921 году официальным опровержением. Друзья по партии вынудили его не настаивать. Опровержение же полностью запутало вопрос. Сведения, извлеченные теперь из архива германского министерства иностранных дел, доказывают, что политика «революционирования» была существенной частью германской стратегии в Первой мировой войне. К сожалению, они недостаточны, чтобы пролить свет на все виды деятельности многочисленной германской агентуры. И в этом случае многие важные свидетели молчат, как будто государство, приказавшее им хранить тайну, все еще существует.

Мемуары германских должностных лиц, таких, как, например, Кюльман и Надольны, игравших большую роль в разработке политики их страны в отношении России в течение Первой мировой войны, далеко не удовлетворительны, т.к. не раскрывают настоящей роли этих лиц, т.е. той именно роли, которая стала очевидна благодаря архивам министерства. Недавно обнаружилась еще одна история, показывающая, как часто истиной считается то, что кто-то хочет выдать за истину. Курт Ризлер, ключевая фигура русско-германских отношений, с 1914 по 1917 год вел, по-видимому, подробный дневник. Из недавней статьи в журнале «Шпигель»⁴ мы узнаем, что после Второй мировой войны он намеревался этот дневник опубликовать, однако известный немецкий профессор истории Х. Ротфельс отговорил его, утверждая, что у него имеются веские причины считать опубликование дневника несвоевременным. После смерти Ризлера дневник едва удалось спасти, теперь он в руках немецкого историка, который пока что почему-то не нашел в нем ссылок на подстрекательскую деятельность Германии, так тесно связанную с именем Ризлера.

Именно этот заговор молчания заставил автора настоящего труда заняться тщательным исследованием не рассматривавшихся до сих пор аспектов русской революции. Автор надеется прояснить некоторые темные места, и цель его — показать,

как осторожно следует относиться ко многим твердо установленным и правдоподобно документированным легендам, которые считаются, к сожалению, объективной историографией.

Эта книга разделена на три части. В пяти главах I части обсуждаются некоторые особенности политической ситуации в России, это поможет читателю лучше понять II и III части, в которых события излагаются в хронологическом порядке. В первой главе I части говорится о «либералах», линии их поведения и организациях во время Первой мировой войны. Во второй главе дается краткая характеристика русских социалистических и революционных партий в тот же период. Третья глава касается главным образом армии.

Две последних главы I части носят несколько специальный характер. Четвертая глава посвящена еврейскому вопросу, который теснее связан с Февральской революцией, чем вопрос о любом другом меньшинстве в империи. Я остановился на нем не потому, что роль евреев в революции была исключительна, а потому что считалось, что с падением царизма в России должна начаться новая, счастливая эра в жизни русских евреев. Идея революции как великого освободительного подвига жила в сердцах многих евреев в России и за ее пределами, даже когда возбужденные революцией надежды и ожидания печальным образом не осуществились.

Автор придает большое значение главе пятой, о германском вмешательстве, считая, что в ней он открывает новые перспективы исследований. Так как деятельность многообразной немецкой агентуры можно оценить только в свете осуществления ее целей с приходом к власти большевиков, автор нарушил в этом случае хронологические рамки и распространил повествование почти до октября 1917 года.

В четырех главах II части говорится о тех аспектах событий, которые кажутся автору исключительно важными для уяснения Февральской революции. Эта часть не претендует на то, чтобы быть историей Первой мировой войны в России, и подчеркивает некоторые эпизоды лишь постольку, поскольку они отражают глубокий недуг русского общества накануне революции. Жестокая судебная расправа, учиненная над полковником жандармерии, которого сделали козлом отпущения, ибо налицо были недостатки военного ведомства, закулисные интриги министров, невероятные кампании по распространению слухов, в которых подстрекатели с успехом могли быть жертвами умышленного обмана, вера в заговор и убийство как орудия политического и общественного прогресса, — все это подрывало русское государство и сводило на нет военные усилия народа, превратив страну в легкую добычу для тех, кто искал ее гибели.

Часть III — это попытка добросовестного рассказа о том, что произошло в России между 23 февраля и 4 марта (по старому стилю⁵). Вне легенд, рассказ этот оборачивается печальной повестью об обоюдном непонимании, обманах, о растерянности властей и о стихийном массовом движении долготерпеливого и сбитого с толку населения Петрограда и Москвы.

Автор заканчивает свое повествование образованием Временного правительства 3 марта 1917 года, без комментариев отмечая последовавшую волну революционного энтузиазма и народное торжество; надо надеяться, что в этом не увидят холодного безразличия к судьбе великой нации.

-----

¹ G. Katkov. Статья о советских исторических источниках в «Contemporary History in the Soviet Mirror», London, 1964, в которой цитируются «Правила о публикации документов советского периода», изданные Главным Архивным управлением. Последняя публикация А.Ф. Керенского (Russia and History's Turning Point. 1965) не могла быть рассмотрена, т. к. настоящая книга была почти закончена.

² Всесоюзное совещание историков. 18–21 декабря 1962 года. Москва, 1964, стр. 296.

³ См. гл. 8, § 2.

⁴ Ноябрь 1964 года.

⁵ Даты событий в России приводятся по Юлианскому календарю (т. н. «старый стиль»), который в XX веке отстает на тринадцать дней от Григорианского календаря, принятого на Западе.